

Содержание

САНДЖЕВ И РОБОВАЛЛАХ (пер. Галины Соловьёвой)	5
КАЙЛ И РЕКА (пер. Надежды Мерчик)	35
ПЫЛЕВОЙ УБИЙЦА (пер. Надежды Мерчик)	69
ДОСТОЙНЫЙ МАЛЬЧИК (пер. Надежды Мерчик)	123
МАЛЕНЬКАЯ БОГИНЯ (пер. Галины Соловьёвой)	179
СУПРУГА ДЖИННА (пер. Марии Савиной-Баблюян)	255
ВИШНУ В КОШАЧЬЕМ ЦИРКЕ (пер. Анастасии Фомичёвой)	331
Их спас письменный стол	333
Здесь воплотился бог, а затем и я	346
Мой брат меня ненавидит	356
Карта, нарисованная внутри черепа	369
Моя чудесная гармония	386
Два интимных аспекта моей жизни	401
Я мурлычу на ушко власть имущим	407
Девочка с красной бинди	420
Отец, обвешанный мишурой воспоминаний	434
Утро белой лошади	449

Санджев и робоваллах¹

¹ *Валлах* (хинди) — начальник, хозяин.

На крик «Боевые роботы, боевые роботы!» из класса выбежали все мальчики. Учительница вопила им вслед: «Сюда, сюда, негодники!», но эта сарисин¹ преподавала всего лишь деловой английский, и когда в класс приковыляла старая миссис Мауджи, в нем остались только девочки. Они смиренно сидели на полу, укоризненно округлив глаза, и тянули руки, торопясь наябедничать на каждого поименно.

Санджев был не из лучших бегунов: другие мальчики обогнали его, и ему пришлось остановиться у кустов дала², чтобы сделать пару вдохов из ингалятора. А потом он был вынужден отвоевывать себе место на гребне — самой высокой точке над деревней, облюбованной гидами, водившими сюда парочки туристов. Туристов привлекал вид на реку и электростанцию в Мураде. Но сегодня с хребта смотрели в другую сторону — на поля дала. Работавшие там мужчины первыми выбрались на хребет. Они прибежали, не выпустив из рук орудий труда, и заняли лучшие места. Санджев протолкался в первый ряд между Махешем и Айанджитом.

— Что там, что там, что там?

¹ В мире книги — сокращение от «саморазвивающийся искусственный интеллект».

² *Дал* — растение семейства бобовых, «голубиный горох», а также суп-пюре из него.

— Там, среди деревьев, — солдаты.

Санджев прищурился, вглядываясь в ту сторону, куда указывал Айанджит, но увидел только желтую пыль и дрожащее марево зноя.

— Они идут в Ахрауру?

— В такую дыру, как Ахраура, Дели и не плюнет, — сказал стоявший рядом мужчина. Санджев знал его в лицо — он знал в лицо всех в Ахрауре, — но не помнил имени. — Они направляются в Мурад. Если сумеют его занять, Варанаси придется вступать в переговоры.

— А роботы где? Я хочу посмотреть на роботов.

Он тут же отругал себя за глупость, потому что роботов мог не увидеть только слепой. Огромное облако пыли ползло по северной дороге, а над ним в жутком молчании кружили стаи птиц. Сквозь пыль взблескивали пластины брони, мелькали когтистые ступни, раскачивались антенны, мотались муравьиные головы, сверкали кожухи оружия. Вскоре он, как и каждый стоявший на гребне, почувствовал, как содрогается земля от топота марширующей колонны.

Крик с дальнего конца ряда зрителей: четыре, шесть, десять, двенадцать вспышек между деревьями роши; струйки белых дымков. Стая птиц выстроилась в косяк, нацелившись на рошу. Беспилотники, сооразил Санджев и тут же вспомнил: снаряды! Снаряды вышли на цель, облако пыли разорвали выстрелы и вспышки осветительных ракет. Все уже кончилось, и только тогда до зрителей долетел звук. Роботы, целые и невредимые, разорвали пыльный кокон и с грохотом перешли на бег.

— Кавалерийская атака! — выкрикнул Санджев. Его голос слился с восторженными криками жителей Ахрауры.

Теперь и холмы, и деревня вздрагивали от ударов железных подошв. Лесок взорвался вихрем выстрелов: беспилотники взмыли вверх и смерчем кружили над зарослями. Снаряды отскакивали от атакующих роботов, оставляя дымные следы. Санджев видел, как открываются кожухи и наводятся на цель стволы орудий.

Крики смолкли, когда по краю леса выросла огненная стена. Потом роботы пустили в ход свои пушки, и затишье сменилось напряженной тишиной. Горящий лес снесло выстрелами: удары орудий клочьями разметывали листву, ветви и стволы. Роботы за минуту, не прекращая стрельбы, окружили рожицу по периметру. Беспилотники маячили у них над головами.

Голос в конце ряда выкрикнул: «Джай Бхарат! Джай Бхарат!»¹ — но его никто не поддержал, и кричавший скоро умолк. Зато послышался другой голос, требовательный и неотвязный, — голос учительницы миссис Мауджи, с трудом взбирающейся по тропе, опираясь на трость лати:

— Глупые мужчины, спускайтесь, глупцы! Возвращайтесь к своим семьям, пока живы!

Все ждали рассказа о событиях в вечерних новостях, но в Аллахабаде и Мирзапуре стычки были крупнее и зрелищнее, и на горстку сепаратистов, уничтоженных

¹ «Да здравствует Бхарат!»

в такой глухомани, как Ахраура, не отвели ни строчки. Зато Санджев в тот вечер стал заядлым робофаном. Он вырезал из газет снимки и собирал пропагандистские брошюры сторонников Бхарата, избежавшие внимания всеядных ахрауранских коров. Он зачарованно смотрел индийские и японские мультики, в которых мужественные мальчишки-дроиды участвовали в титанических сражениях на стороне андроидов, хотя сестричка Прийя закатывала глаза, а мать шептала священнику, что ее беспокоит ориентация сына. Он скачивал гигабайты картинок из Всемирной сети и заучивал названия фирм-производителей, модели и их серийные номера, боезапас и поражающую силу снарядов, скорострельность и подвижность орудий. Он сберег деньги, которые заработал, помогая старикам разбираться с компьютерами (самозванное правительство Бхарата решило поставить их в каждой деревне), на покупку японской «бродилки», но никто не соглашался играть с ним, потому что Санджев знал игру наизусть. Когда ему надоели двухмерные картинки, он разрезал ножницами для жести сухой тростник и собрал из планок модели боевых машин: «ЧУДО-ГИ» — сверхскоростной беспилотник, бот для защиты периметра «ТИТАН-ПОЛИВАЛКУ» и «КРАСНУЮ КОЛУ» — робота для подавления мятежей.

Те же старики, когда он заходил к ним установить аккаунты и пароли, спрашивали его:

— Эй, ты в этом малость разбираешься — что это там за дела у Бхарата с Авадхом? Чем плоха была старая добрая Индия? И когда нам вернут спутниковую трансляцию крикетных матчей?

Но Санджев, хоть и разбирался в роботах, не знал ответов на эти вопросы. За новостями было не уследить, политики и вожди сменялись ежечасно, а с чего начался конфликт, все давно позабыли. С наксалитов¹ в Бихаре, с объевшегося властью Дели, с проклятых мусульман, снова потребовавших самоуправления? Старики и не ждали ответа — им просто хотелось поворчать и показать мальчишке-умнику, что и он не все знает.

— Ну, лишь бы нам их не видать, — приговаривали они, когда Санджев в ответ раздражался речами о преимуществах беспилотника «Райтеон 380 Рудра» или разведывательного механизма «Акху» над любым бойцом-человеком. Они полагали, что «Битва в лесу Бора», уже ушедшая в прошлое, останется единственным сражением сепаратистской войны, какое придется увидеть Ахрауре.

— К чему все это было? — спрашивали люди. — Чего они хотели?

Ответ они узнали два дня спустя, когда на полях почернели и засохли посевы, а скотина, до последней дворяги, передохла от мора.

Санджев бросался бежать, едва машина сворачивала на Зонтичную улицу. Их машина сразу бросалась в глаза — большой военный «хаммер», раскрашенный в черный цвет Кали² и разрисованный поверх светящи-

¹ *Наксалиты* — неофициальное название коммунистических отрядов в Индии.

² *Кали* — темная и яростная Парвати, супруга бога Шивы.

мися языками пламени, которые словно мерцали, когда они проезжали мимо. Но еще проще было узнать их на слух: всякий узнавал металлическое «туд-туд-туд», превращавшееся в звон гитар и вопли духовых, когда они опускали окна, чтобы заказать еды — еды навынос. И Санджев был тут как тут.

— Что вам угодно, сэр?

С переезда в Варанаси он стал хорошим бегуном. После гибели Ахрауры все переменялось.

Последнее, что совершила Ахраура перед смертью, — заслужила строчку в новостях. Деревня оказалась первой пострадавшей от нового вида атак. Их прозвали разносчиками чумы и представляли себе мрачными людьми в комбинезонах-«хамелеонах», медленно шагающими по полям, простерши руки, словно для благословения, но сеющими болезни и гибель. То была стратегия отчаяния: отнять у сепаратистов все, что возможно. Но эффективность ее оказалась невелика — после первых нескольких атак разносчиков чумы узнавали с первого взгляда и немедленно расстреливали.

Но Ахрауру они убили, и, когда пала последняя колова, а ветер унес засохшие листья в желтом облаке пыли, люди покинули деревню. В машинах и грузовиках, на фатфатах¹ и на сельских автобусах они добирались до города, и, хотя все клялись держаться вместе, семья за семьей терялась в десятиллионном Варанаси, и Ахраура окончательно умерла.

Отец Санджева снял квартиру на верхнем этаже многоквартирного дома на Зонтичной улице и вложил

¹ *Фатфат* — моторикша.

все сбережения в заведение, где подавали пиво и пиццу. В городе только и нужны были пиццы да пиццы, а самосы,¹ тидди-хопперы и расгулу² здесь не ели. И еще пиво: «Кингфишер», «Годфазер» и «Бангла». Мать Санджева немного шила и давала уроки хороших манер и санскрита — она выучила язык ради молитв и обрядов. Бабушка Бхарти и младшая сестра Прийя прибирались в конторах нового сияющего Варанаси, возносившего хромом и стеклом над облезлыми домишками Старого Каши. Санджев помогал обслуживать посетителей под рядами высоких неоновых зонтов, которые не защищали ни от дождя, ни от солнца, зато привлекали гуляк, ночной народ, бадмашей³ и девиц. По этим зонтам улицу и назвали Зонтичной. И здесь он впервые увидел робоваллахов.

Санджев влюбился с первого взгляда, впервые увидев, как они проходят по Зонтичной улице в своих майках, с обнаженными мужественными плечами, в браслетах Кришны, с татуировками хной, в крутых сапогах с металлическими вставками, с волосами, смазанными гелем и торчащими как иглы, словно у героев мультиков. Торговцы с Зонтичной улицы сторонились их, отступали бочком. У них была нехорошая репутация. Позже Санджеву случилось увидеть, как они перевернули прилавок торговца пакорой⁴, чем-то не угодившего им, задразнили до слез женщину в деловом сари, которая посмела косо глянуть на них, раз-

¹ *Самоса* — жареный во фритюре пирожок с овощной начинкой.

² *Расгула* — шарики в розовом сиропе.

³ *Бадмаш* — дурной человек, хулиган.

⁴ *Пакора* — жаренные в масле овощи, креветки.

били фатфат, водитель которого не пожелал везти их пьяную компанию, — но в тот первый вечер от них исходило звездное сияние, и желание Санджева находиться среди них было таким чистым, мучительным и неисполнимым, что на глаза навернулись слезы восторга. Это были солдаты, юные воины, робоваллахи. На самоуправлении оставляли только самые тяжелые и тупые машины; большими боевыми ботами, пусть и снабженными искусственным интеллектом, повелевали люди — мальчишки-подростки, сочетавшие юношескую быстроту реакции и бесшабашность, усиленную боевой фермой.

— Пицца, пицца, пицца! — заорал Санджев, подбегая к ним. — Мы подаем пиццу, пиццу всех сортов, и пиво: пиво «Кингфишер», пиво «Годфазер», пиво «Бангла» — пиво на любой вкус.

Они остановились. Посмотрели. И отвернулись. Двинулись дальше, но один оглянулся. Он был высоким и очень худым от постоянного приема фармы, он был дерганым и неловким, татуировка не скрывала нечистой кожи. Санджеву он представлялся уличным богом.

— Какие у вас пиццы?

— Тикка¹ мург² в тандыре³, кебаб кофта⁴ с говядиной и бараниной в томатном соусе...

— Давай попробуем твою кофту.

¹ Тикка — мясное филе.

² Мург — цыпленок.

³ Тандыр — глиняная печь.

⁴ Кофта — мясные шарики, тефтели.

Санджев приволок провисающий клин выложенной мясными шариками пиццы, держа его обеими руками. Робоваллах взял кусок двумя пальцами. К его губам протянулась ниточка плавленого сыра. Парень ловко перекусил ее.

— Да, недурно. Давай четыре таких.

— У нас есть пиво «Кингфишер», пиво «Годфазер», пиво «Бангла»...

— Не перегибай.

Теперь Санджев бежал рядом с большой неторопливой машиной, которую они купили, как только возраст позволил им получить права. Санджеву никогда не казалось странным, что закон позволял им отправить боевых роботов в марш-бросок по стране, или пойти в разведку, или маршировать за тяжелыми танками, но запрещал гонять на тачках по улицам Варанаси.

— Ну, убили сегодня кого-нибудь? — кричал Санджев в открытое окно, цепляясь за ручку дверцы и проворно перебирая ногами по мостовой.

— Гоняли шпионов и лазутчиков в Кунда Кхадар у реки, — отозвался прыщавый паренек — тот, что первый заговорил с Санджевом. Он называл себя Радж. Все они брали себе имена из мультиков и компьютерных игр. — Должен же кто-то ломать кайф этим ублюдочным сукам — валлахам Авадха.

Черная пластмассовая фигурка Кали болталась на зеркальце заднего вида — красный язык, желтые глаза. У черепов, висевших ожерельем у нее на шее, в глазницы были вставлены сапфиры. Санджев принял заказ и понесся сквозь толкучку на улице назад,

к тандыру отца. К тому времени, когда «хаммер» с Кали пошел на второй круг, заказ был готов. Санджев кинул коробку Раджу. Тот сунул взамен грязные мятые рупии Бхарата, а когда Санджев полез в кошель на поясе за сдачей, добавил чаевые — маленький, застегивающийся на молнию пластиковый пакетик с боевой фармой. Санджев продал ее в гали¹ и на пустыре за Зонтичной улицей. Лучшими клиентами были школьники — они горстями лопали таблетки, пока готовились к экзаменам. Для Санджева школа закончилась в Ахрауре, и другой он не хотел знать. Кому нужна школа, когда весь мир умещается в сети компьютера на ладони? Маленькие блестящие капсулы — черные и желтые, лиловые и небесно-голубые — обеспечивали раджгатам² положение в обществе. Таблетки поднимали их над толпой.

Но в тот день Радж перехватил ладонь Санджева, стиснувшую пакетик.

— Слушай, мы тут подумали...

Остальные робоваллахи — Суни и Равана, СБогом! и Большой Баба — закивали.

— Мы подумали, нам нужен кто-нибудь для мелких поручений — малость прибираться, следить за барахлом, бегать за покупками. Не хочешь взяться? Мы заплатим — только правительственными облигациями, а не в долларах или евро. Будешь у нас работать?

¹ Гали — переулок, узкий проход.

² Раджгаты — военные.

Дома он врал: описывал блеск, технику, классные сверкающие бриллиантами штабы и хромовые покрытия, на которые он наводил ослепительный-ослепительный блеск, начищая их зубной пастой, как делали в старой деревне. Врать Санджева заставляло разочарование, а еще собственные наивные ожидания: слишком много сновидений о бесполох подростках в комбинезонах из спандекса в скорлупе беспощадных боевых машин. Робоваллахи из 15-го легкого броневоего и из Разведывательного кавалерийского — то есть конники — работали в дешевых складских бараках из гофрированного алюминия у старой коммерческой дороги, на задах новой железнодорожной станции. Они направляли свою волю через округа и провинции, сражаясь за Бхарат. Их талант был слишком большой редкостью, чтобы подвергать их риску в атакующих ботах «Райтеон» или в механических разведчиках «Айва». Никто из робоваллахов не возвращался домой в пластиковом мешке.

Санджев переминался с ноги на ногу в пыли у раздвижной двери, щурясь на утреннее солнце. Наверняка таксист перепутал адрес! Потом Радж и СБогом! ввели его внутрь и показали, как они воюют в дешевых бараках. Сбруя с сенсорами, передающая движения, висела на упругих крюках, как марионетка на пальцах. Шлемы с зеркальными визорами — прямо как в японских мультиках — подсоединялись витыми кабелями. Одна стена барака была заставлена полупрозрачными голубыми куполами процессоров, на другой шелковисто блестели большие экраны, по которым бежали тысячи данных о ходе войны: о стыч-

ках, рекогносцировках, ударах с воздуха, о позициях пехоты и движении тихоходных снарядов, о минных полях, тяжелых броневиках и механических дивизионах. Приказы поступали на эти экраны из штаба дивизиона, от женщины-джемадара¹. Санджев ни разу не видел ее во плоти, хотя робоваллахи отпускали шуточки о ней всякий раз, как она появлялась на экране, чтобы приказать провести разведку, вылазку или рейд. У противоположной стены, под сбруей с датчиками, стояли скрипучие кушетки, шезлонги, кулер с водой — полный — и автомат с кока-колой — почти пустой. Журналы с играми и девчонками валялись на бетонном полу между проводами, как мертвые птицы. Дверь вела в комнату отдыха, где были такие же кушетки, пара раскладушек и игровая установка с несколькими терминалами. За комнатой отдыха размещались кухонька и душевая кабина.

— Парни, ну и вонь здесь у вас, — сказал Санджев.

К полудню он вычистил все сверху донизу, сложил журналы стопкой по порядку, расставил обувь парами, а разбросанную одежду запихнул в черный пластиковый мешок, чтобы дхобиваллах² ее выстирал. Он зажег палочки благовоний. Он выбросил прокисшее молоко и убрал еду в холодильник, поставил пустые бутылки из-под колы в ящики, заварил чай и выскользнул на улицу купить самосы, соврав, что принес ее из дома. Он взволнованно смотрел, как Большой Баба и Равана влезли в боевую сбрую для трехчасо-

¹ *Джемадар* — офицер.

² *Дхобиваллах* — прачка.

вого боя. Он так много узнал за одно утро! Каждый мальчик управлял не одним ботом — сарисины уровня 1,2 контролировали автономные процессы, такие как движение и восприятие. Пилоты скорее были офицерами и командовали целыми полками ботов. Обзор для них переключался от разведывательного аппарата к боевому боту, а потом к истребительному беспилотнику. И не было у них старых верных боевых машин с пулевыми пробоинами, любовно разрисованных граффити и украшенных самодельными демонами. Машины отправляли на войну потому, что те могли вынести ущерб, которого не выдерживали человеческая плоть и семьи. В «Кавалерии Кали» за месяц, по приказу джемадара и по потребности, сменялось до дюжины боевых единиц. Это было совсем, совсем не похоже на японские мультики, но ребята из «Кали» выглядели мужественными, крутыми и опасными в своей сбруе, хотя и возвращались каждый вечер домой к родителям, и работать на них, прибирать за ними, подавать им полотенца, когда они, потные и вонючие, забирались в душ после сеанса в боевой сбруе, было самым важным в маленькой жизни Санджева. Они были его детьми: только мальчишки — девочкам сюда хода не было.

— Болтаешься целыми днями с этими бадмашами, солнца не видишь — что в этом хорошего? — ворчала его мать, подметая перед очередным уроком крошечную гостиную в их квартирке под самой крышей. — Твоему отцу помощь нужнее: ему, пожалуй, придется нанять мальчика, а чего ради, если у него есть родной сын? У этих парней-роботов дурная слава.